

Юрий Теплов

СПАСЕННОМУ РАЯ НЕ БУДЕТ

Трилогия.
Книга третья. Грязное дело

Юрий Теплов

**Спасенному рая не будет.
Трилогия. Книга
третья. Грязное дело**

«Издательские решения»

Теплов Ю.

Спасенному рая не будет. Трилогия. Книга третья. Грязное дело /
Ю. Теплов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858952-2

Из второй книги трилогии «Голгофа» читателю известно, что бандиты вышли на след Алексея Усольцева и его команды. Они распяли его на сучковатой сосне, как на кресте. «Палач уже заканчивал свою гнусную работу, когда Алексей увидел Наумыча. Тот вынырнул из леса со своей одностволкой. Бандиты, увлеченные зрелищем, не видели его. Ближе всех к нему стоял гуру. Своей спиной он прикрывал Юриста. Наумыч поднял ружье. Гуру, наверное, обладал звериным чутьем. Мгновенно обернулся. Но выстрел уже прозвучал...»

ISBN 978-5-44-858952-2

© Теплов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Покаяние	6
Фанфурики	16
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Спасенному рая не будет Трилогия. Книга третья. Грязное дело

Юрий Теплов

© Юрий Теплов, 2018

ISBN 978-5-4485-8952-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Покаяние

1

Алексей не жил, а существовал. Бобровка осталась в сознании отрывочными кадрами и тишиной, прерываемой гудом в голове. В тишине, как кадры немого кино, наплывали виденные в яви картины и образы. Оставшаяся без обитателей их заимка Чижи на берегу таёжного Васюгана. Игорь, кативший санки с беременной Капитолиной в скит к повитухе. Она же – в Бобровке, с каменным лицом сидевшая у гроба. Ах, Капа, Капа! Недолго длилось твое счастье! Как-то сложится теперь твоя судьба? Не покатится ли сломанная карета снова под откос?

В голос рыдали Татьяна Васильевна с сестрой.

Появлялась перед ним еще живая Магда, которую Диоген называл святой Магдалиной. Она пришла в ту роковую ночь к Алексею в келью, и он не нашел в себе силы отказаться от ее тела. А ее силы хватило, чтобы прикрыть его от выстрела Юриста.

Мелькал в воображении куцекородый Наумич, успевший всадить из своей одностоволки пулю в Юриста. Но не смог увернуться от смертельного оружия, вылетевшего из руки фальшивого гуру.

Наумича хоронили в один день с Игорем. Пьяненькие сын Толян и сноха Ирка размазывали по лицу грязные слезы. Виногато притихший Диоген бросил в могилу приятеля ком земли и, схватив лопату, рьяно стал закапывать ее.

Кадры повторялись, будто Алексей листал альбом с фотографиями то в одну, то в другую сторону. Эмблер, произнесший на тихих поминках прощальную речь. Сгорбленная тетка Матрена, шепотом пытавшая Диогена про сынову невесту. Опустевшая после поминальных гостей горница. Сидевшие в обнимку на диване Татьяна Васильевна и Капитолина. Тетка Гала, укладывающая в коляску маленького Игорька...

И все это – дело рук одного человека. Нет, не человека, а безгубого служителя дьявола!..

Гуд в голове прекратился, когда колеса вертолета коснулись бетонки аэродрома учебного полигона. Двигатели умолкли, и Алексей почувствовал прикосновение к плечу. Открыл глаза. Перед ним стояла спецназовка по имени Юлия.

– Алексей Николаевич! Шеф передал, что появляться вам дома – пока небезопасно. Жилье вам предоставят здесь, в закрытом военном городке.

– Мне все равно, – ответил он.

Нарушив собственную инструкцию, Пилот распорядился поселить Утопленника в служебном общежитии. Это была крохотная, но отдельная квартирка. Почти двое суток Алексея никто не беспокоил. У него было время собраться с мыслями. Естественно, что он не имеет права оставить своих друзей без отмщения. Кроме физического насилия, есть много других способов.

В первую ночь в общежитской комнате к нему явилась маленькая зеленоволосая инопланетянка с печальными глазами. Оника глядела на него с сочувствием, и он понял, что она старается его ободрить. Словно бы напоминала, что его друзья недаром отдали свои жизни. Но разве трупы Юриста, гуру и других бандитов – утешение? По земле еще гуляет столько негодяев, что истребить их всех не хватит никаких сил.

– Хватит, – немо произнесла Оника.

Он слабо улыбнулся в ответ, и его улыбка означала пожелание, чтобы она не переживала за него. Наверное, она только этого и ждала. Видение исчезло.

Встречался он только с Юлией и Георгием, когда в обозначенное время посещал столовую. Трапезничали они втроем. Алексею нравилась эта парочка. Он еще в тайге понял, что они

муж и жена, и что уже длительное время увлеченно занимаются своим небезопасным ремеслом. Обращались они к нему с заметным почтением и только по имени-отчеству.

Он понимал, что начинается новый виток его жизни, и был уверен, что этот виток не придется ему по нраву. Сердце его продолжало терзать то, что произошло в Чижах. В груди его застрял камень, мешавший дышать и думать. Он не давал забыться, виноватил Алексея в гибели друзей и тянул его в Белый омут. Тяжелая ноша, хоть и незримая.

Но оставался еще долг Пилоту. А долги надо отрабатывать.

В таком состоянии нельзя было начинать новую жизнь, и Алексей большим усилием отодвинул недавнюю трагедию, не выбросил из себя, а заложил в запасники памяти, чтобы высвободить в нужный момент.

Он не сомневался, что его безделье будет недолгим, ровно столько времени, сколько командиру спецназовцев понадобится на консультацию с начальством. И не ошибся. Пилот сам явился к нему.

– Нам надо расставить точки над «И», Алексей Николаевич, – сказал без предисловий.

– Расставляйте.

– С каких пор вы обнаружили у себя необычные способности?

Что мог ему ответить Алексей? Не рассказывать же ему о вынужденном путешествии на Аэолу и о том, что его заново собрали по крупицам! Потому он кратко ответил:

– В зрелом возрасте.

– Раньше вы их не замечали?

– Замечал, но не придавал значения. И старался не демонстрировать их.

– Как, где и почему пересеклись ваши пути с Заурбековым?

Алексей рассказал о первой встрече с Климом, о покушении в метро, о своем пленении, о randevu с Заурбековым в санаторном коттедже и о побеге. Пилот дотошно интересовался деталями, выпрашивал о любой мелочи. Алексей отвечал, стараясь не привирать, но и не выкладывать все, как на исповеди. Он не доверял до конца этим людям. Но пока не собирался копаться в их сознании, знал, что это произойдет само собой, когда настанет нужный момент.

– Вы обошли молчанием один эпизод вашей биографии: утопление и похороны.

Алексей ждал этого каверзного вопроса и приготовился к ответу:

– У меня есть любимая женщина, полковник. Жене я сказал, что еду на рыбалку, а сам уехал к ней. Несколько дней растянулись на два с половиной месяца. Виновато мое легкомыслие.

«Любимая женщина» вполне устроила Пилота. Но версия его не убедила.

– Где она живет?

– Этого я вам не скажу.

– Тогда объясните, каким образом вы резко помолодели и стали выше ростом?

– С помощью ежедневного тренинга и ледяной воды.

– С трудом представляю.

– Давайте ближе к делу.

– Вам придется поработать против Заурбекова.

– Знаю. Это мой долг перед вами.

– Не надо так, Алексей Николаевич. Вы ничего никому не должны, и давно объявили ему войну по собственной инициативе.

– Что я должен делать?

– В ближайший месяц принять участие в избирательной кампании в Госдуму.

– Грязное дело – политика.

– Грязными делами нам приходится заниматься постоянно. Кому-то надо чистить загрязненную конюшню.

- В каком качестве вы хотите меня использовать?
- В качестве главного консультанта в избирательном штабе генерала Баскакова.
- Кто за ним стоит?
- Команда президента.

Алексей уловил, что при этих словах в голове Пилота мелькнуло сомнение, а воображение нарисовало облик человека в военной форме, от которого он получал приказы. Выходит, и Пилот – всего лишь пешка, и ферзем ей никогда не стать.

Тот между тем продолжал:

– Я понимаю, что скрывать что-то от вас не имеет смысла. Все равно докопаетесь. И все же повторю: мы работаем на государство.

- Предположим.
- Вы, наверное, слышали, что недавно президент отправил в отставку вице-премьера?
- Слышал.

– Весьма авторитетный человек у западных бизнесменов и политиков. И весьма вредный для страны человек. Его отставили с нашей помощью.

– Почему же не посадили?

– Как я понимаю, чтобы избежать излишней негативной реакции со стороны зарубежных инвесторов. Впрочем, в зигзагах большой политики я мало смыслю. Наша организация решает локальные задачи. На сегодняшний день она состоит в том, чтобы утопить Заурбекова.

– Не проще ли утопить в прямом смысле?

– Проще. Но опять же – табу. Он должен проиграть выборы.

– А Баскаков – выиграть?

– Да. И это совсем не просто. Дело в том, что Заурбеков имеет неограниченные финансовые ресурсы. На него длительное время работает весьма толковый штаб. Ему состряпали имидж бескорыстного и отзывчивого человека. Избиратели верят печатному и эфирному слову. Его рейтинг много выше, чем у остальных кандидатов в депутаты.

– Почему же у Баскакова нет такого толкового штаба?

– Не позволяют ресурсы.

– В чем конкретно будут заключаться мои обязанности?

– Главное – сбор и анализ информации. Все, кто знал вас в лицо, остались в тайге. Кроме Заурбекова, конечно. С ним вам нет нужды встречаться. И никаких силовых приемов, товарищ Усольцев!

– Силовых приемов не будет.

– На всякий случай, мы слегка подправим вашу внешность. Не возражаете, Алексей Николаевич?

– Нет. Кстати, как мне к вам обращаться?

– В нашей организации каждый сотрудник имеет псевдоним. Называйте меня Пилотом. Вам тоже надо обзавестись псевдонимом.

– «Утопленник» вам не нравится?

– Утопленник вы для Зураба.

Алексей задумался. Вспомнил Онику и то, как она его называла.

– Я буду Алексом, Пилот.

– Не оригинально, напоминает Штирлица. Но как хотите.

Штирлиц для Алексея был далеко-далеко. «Алекс» – это от Оники.

Полковник взглянул на него пытливо и даже с сочувствием.

– Через несколько дней наш кандидат представит вас руководителю избирательного штаба, а тот познакомит с другими сотрудниками. Ваш псевдоним только для нас.

– Секретные игры?

– Нет, соблюдение принятых правил. Вся важную информацию будете передавать через начальника службы безопасности выборного штаба. Со вчерашнего дня им стал ваш знакомый Георгий Иванович.

– Ромео?

– Да. Ваша знакомая Юлия – Джульетта тоже будет время от времени появляться в штабе. Ее задача – проверять на детекторе лжи сотрудников.

– Это лишне, Пилот.

– Почему?

– Я сам распознаю засланных казачков.

– Одно другому не мешает. Жить вы будете в отдельной квартире на улице Вострухина. Сегодня к ночи Джульетта отвезет вас туда. Отдохните пару деньков. За вами официально будет закреплена машина. Водителя зовут Талгат. Можете вызвать его в любое время суток.

– В эти дни он мне не понадобится.

– И последнее. Любой труд должен быть оплачен. Ваши консультации – тоже. 20 тысяч евро достаточно?

– Да, – равнодушно ответил Алексей.

– У вас есть ко мне вопросы?

– Есть. Мне нужен мобильник Юриста. В нем сохранен номер телефона Заурбекова.

– Хотите ему позвонить?

– Да.

Алексей уловил мелькнувшее в голове Пилота желание отказать в просьбе. Оно тут же сменилось кратким анализом последствий звонка. Победила мысль: «Пускай Зураб попсикует!»

– Пожалуй, это идея, – произнес он. – Контакт не больше минуты, чтобы не успели запеленговать ваше местонахождение. Я буду присутствовать при разговоре. – Пилот вытянул из нагрудного кармана трубку. – Я ждал, когда он сам захочет связаться с Юристом. Терпеливый, туды его в медь!.. Звоните.

Алексей сразу узнал голос Заурбекова. Выдержал паузу, спросил:

– Узнаешь старого знакомого, Зураб? Я – Утопленник. Твои джигиты и гуру закопаны в тайге. Юриста я оставил в живых и держу его на цепи вместо собаки. Очередь за тобой. Готовься! – и отключился.

Первые два дня после сообщения Юриста о том, что Утопленник найден, Заурбеков пребывал в прекрасном расположении духа. Впервые за долгие месяцы он чувствовал себя спокойно и уверенно. Свалилась с плеч тяжесть, вызванная тенью загадочной и непредсказуемой личности. И вот с Утопленником покончено. Валюта за dust получена. Тифлис тоже обещал подослать, сколько соберет. На круг должно выйти миллиона четыре.

Заурбеков предполагал, что кресло депутата обойдется в немалую сумму. Но она зашкаливала все мыслимые пределы. Только за сбор подписей избирателей пришлось выложить чуть ли не сотню миллионов в рублях. Не фальшивых подписей, как это случалось с некоторыми самовыдвиженцами, а реальных. Пришлось сборщикам приплатить. По закону надо было собрать триста тысяч подписей, собрали на тридцать пять тысяч больше. Его люди выборочно проверили подписные листы, подделок не обнаружили. Потому регистрация прошла, как по нотам. Чем ближе день выборов, тем больше расходов. Нанятый политолог, вытащивший когда-то избирательную кампанию первого российского президента, запросил миллион зеленой для себя и столько же – на свою команду. И премиальные за победу на выборах. И условия выдвинул:

– Для охраны избирательного штаба наймите стрелков вневедомственной охраны. Ваши джигиты – это лица кавказской национальности, отношение к ним электората, мягко говоря, не позитивное. И на встречи с избирателями их не берите.

Ничего не оставалось, как согласиться. Если покупать – то самых умных, чтобы траты оправдались. Всем надо платить – стрелкам, телевизионщикам, попсовым артистам, агентам, внедренным к конкурентам. Закон выживания – никуда не деться.

Административный ресурс, конечно, много значит. Сейчас он на стороне генерала. Не во время скинули вице-премьера – западника, он мог бы помочь Заурбекову. Но административный ресурс – три-четыре процента максимум. Все остальное решают деньги.

Прошло два, три, четыре дня. Бригада Юриста уже должна быть здесь, но как в воду канула. Может, с вертолетом неполадки? Марат звонил, что птичка в Каргосоке. Ремонтируют птичку? А сообщить об этом он не может, потому что телефон разрядился? В тайге ни электричества, ни почты. Сколько, интересно, им понадобится времени, чтобы добраться до Каргосока?

Радужное настроение покинуло Заурбекова. Он гнал беспокойство и дурное предчувствие. Но полностью освободиться от них не мог, несмотря на умение отключаться от сиюминутной озабоченности и сосредотачиваться на главном.

Звонок раздался на пятые сутки. Высветился номер сотового Юриста. Наконец-то! Он нажал кнопку приема:

– Что у вас стряслось, Марат?

То, что он услышал в ответ, повергло его в шок.

– Узнаешь старого знакомого, Зураб?

– Кто говорит?

– Я – Утопленник. Твои джигиты и гуру закопаны в тайге. Юриста я оставил в живых и держу его на цепи вместо собаки. Очередь за тобой, Зураб. Готовься!

Абонент отключился. Заурбеков обессилено откинулся на спинку кресла. Это был нокаут. Тренированный мозг отказался повиноваться. Мышцы стали, как студень. Так он сидел, пока не вернулась способность трезво оценить ситуацию. Этот раунд проигран, но нокаут пока не смертельный. Марат оказался мальчишкой, его не жалко, как не жалко гуру и других боевиков. Человеческий материал можно восполнить. Казбек, замещавший Юриста, несколько не хуже его, а в чем-то и расторопнее. Начальник собственной службы безопасности тоже на месте, больших претензий к нему нет. Жаль пропавших денег, но и тут можно выкрутиться, обратившись к арабским эмиссарам на Кавказе и спонсорам в Катаре.

Главная проблема – живой Утопленник. Его же упаковали! Как он мог освободиться и расправиться с группой обученных боевиков? Не иначе, как с помощью таких же головорезов, как и сам. Почему они оказались в тайге? С какой целью? Когда они собираются в Москву? Успеет ли он стать к этому времени депутатом и получить депутатскую неприкосновенность? Может, откупиться от Утопленника хотя бы на время? А позже закатать в асфальт, чтобы не осталось никаких следов?.. Нет, откупиться не получится! Зачем ему бабки, если он хапнул полученную за дуст валюту? Искать его – все равно, что охотиться за тенью.

Заурбеков вдруг почувствовал, как кольнуло сердце. И второй, и третий раз. Лоб покрыла холодная испарина. Такого с ним никогда не случалось. Он дотянулся до кнопки. В кабинете тут же возник помощник.

– Врача! – проговорил хозяин.

После ужина Юлия отвезла Алексея на улицу Вострухина. Рядом с ней сидел на пассажирском сидении коренастый казах с невозмутимым не улыбочивым лицом. Перед выездом в город он произнес лишь одну фразу:

– Я – Талгат, ваш водитель.

Юлия открыла дверь и передала Алексею ключи.

– Ваши временные апартаменты, Алекс. Через три дня Талгат подъедет в половине восьмого и позвонит вам по домашнему телефону. Маршрут до избирательного штаба он знает. Там вы – Турченко Иван Сергеевич, почти полный тезка Тургенева. Нравится? Вот ваш паспорт.

– Липа? – спросил Алексей.

– Липа, но классная. А это магнитный пропуск. Он бесфамильный, но с двумя степенями защиты. До свидания, Алексей Николаевич! – Она назвала его, как прежде, по имени-отчеству, мило улыбнулась и ушла.

Квартира оказалась трехкомнатной, и в ней было все, что необходимо не только для временного проживания. Даже холодильник забит продуктами, которых могло хватить на неделю затворничества. В спальне стояли двухместная кровать со стопкой чистого белья на покрывале, два кресла, телевизор, большое трюмо и журнальный столик на колесиках.

Алексей глянул на себя в зеркало. Пример хорошо потрудились. Лицо стало более скуластым, губы полнее. Контактные линзы изменили цвет глаз, они стали черными. Усы исчезли, а подстриженная по моде борода довершала новый облик. Впрочем, Алексею было все равно, как он выглядит...

2

Еще через час он вышел на улицу и, словно во сне, зашагал в сторону Рязанского проспекта. Было уже темно. В свете уличных фонарей косо моросили дождевики. Редкие прохожие торопились по домам. Не отдавая себе отчета, куда и зачем идет, он спустился в метро. Абсолютно неосознанно сделал пересадку на станции Таганской и лишь тут понял, что едет домой, где появляться больше не собирался.

Олег, судя по всему, никогда не вернется в Россию. Корпорация «Майкрософт» не приглашает молодых иностранцев на стажировку из-за филантропических побуждений. Этой чести удостоиваются только те, кто им нужен. Так что Олег может навестить Родину и мать с отцом разве что в качестве гостя. Ну, а жена стала совсем чужой, так что дома ему делать нечего. И все же, выйдя из подземки, он зашагал знакомым путем.

В дверь ему пришлось звонить несколько раз. Наконец, слабый голос законной супруги произнес:

– Кто там?

– Алексей.

Она долго возилась с запорами, пока открыла дверь. Он еле узнал ее. Лицо ее осунулось, у глаз появились морщины. Крашенные волосы потускнели, и у корней пробился сквозь рыжину черный природный цвет, заметно побитый сединой.

Прожитые вместе годы, какими бы они ни были, не выкинуть.

– Болееешь? – участливо спросил он.

– Болею, – жалобно ответила она.

– Что с тобой?

– Не знаю. Все время давит виски, тошнит и рвет.

– Врача вызывала?

– Приезжала позавчера скорая. Смерили давление. Укол сделали. Сказали, что утром приедет участковый врач и назначит лечение. Но никто не приехал ни вчера, ни сегодня. Я пойду, прилягу, Алеша. Голова кружится.

Он прошел за ней в спальню. Прямо в халате она залезла под одеяло.

– Врач «Скорой» выписал тебе какое-нибудь лекарство? – спросил он.

– Паксил и нейромультивит.

– Ты купила?

– Нет. Сил не хватило дойти до аптеки.

Он мог бы сам взяться за ее лечение, но у него на это не доставало сегодня сил.

– Где рецепт? Схожу в ночную аптеку. Чтобы ты не вставала, возьму ключи.

– Рецепт на тумбочке. Ключи на гвоздике.

Он вспомнил, что ближайшая дежурная аптека находится на Авиамоторной.

Транспорт уже не ходил. Пришлось шагать. У аптеки толпились дебильного вида недоросли, хотя было уже далеко за полночь. У одного в руках была мятая пачка пятидесятирублевых. Все ясно: аптека в ночное время приторговывает без рецепта наркосодержащими препаратами, и таблеточки – ее надежная клиентура. Купят, заберутся в какой-нибудь подъезд, разведут таблетки в кока-коле и станут ловить кайф. А обществу и политикам наплевать на них. Как наплевать и на то, что они потянут за собой тех, кто пока подрастает. Для политиков главное – лозунги и призывы. К лозунгам и призывам люди привыкли, как к рекламе, они никого не трогают, только множат пофигизм.

Под неодобрительными взглядами пацанов Алексей открыл тугую дверь. Протянул в окошечко рецепт. Слегка удивился, что пришлось заплатить больше семисот рублей. Для пенсионеров сумма весьма обременительная. Да и вообще медицина стала никудышной. Врачебные дипломы покупают неучи. Клятва Гиппократы стала пустой формальностью. Вот и к жене участковый врач не приехал. И ничего ему за это не будет!..

Жена не спала, когда он вернулся. Проглотила таблетки. Некоторое время лежала молча. Затем робко спросила:

– Ты надолго домой?

– Не знаю, – ответил он.

Алексей и на самом деле не знал, зачем пришел сюда и надолго ли.

– Здесь ляжешь или в кабинете?

– Спи. Я постелю себе в кабинете.

– Спокойной ночи, Алеша!

Алексей постелил себе на топчане. И сразу же напомнил о себе камень в груди. Он долго ворочался, пытаясь уснуть. Но лишь под утро погрузился в сон. А может, это и не сон был, а забытие для отдохновения от терзаний. Забылся и увидел Онику. Она вышла из зеленого шатра, образованного кронами деревьев. Двигалась вроде бы ему навстречу, но не приближалась. Только ободряюще вскинула руку, будто произнесла: «Все будет хорошо, Алекс. Мы еще встретимся!» «Когда?» – хотел он спросить, но она исчезла.

С этим он и проснулся. В незашторенное окно заглядывали солнечные рассветные лучи. «Когда?» – спросил он сам себя. Ответа не было. Хандра, если и не иссякла, то отступила.

Заглянул в спальню. От скрипа двери жена открыла глаза.

– Как ты себя чувствуешь?

– Плохо.

– Ляг на спину, вытяни руки.

– Лечить меня собираешься? – слабо улыбнулась она.

– Сними ночную рубашку, молчи и расслабься.

В роли пациентки жена было послушной, как ребенок. Он разглядывал так знакомое ему тело, но не как муж или мужчина, а как анатом. Жена заметно похудела, под кожей проступила грудная клетка, а на животе появились поперечные морщины. Его ладони не нашли источника болезни, и он попросил ее перевернуться на живот.

Болевую точку он нашупал в затылочной части головы, где сосредоточены нервные узлы, управляющие психикой человека. Внутренние органы каждый по отдельности оставались здоровыми, но их взаимодействие дало сбой. Это могло произойти от душевного расстройства, от одиночества, усугубленного возрастом. Жена, хоть и была моложе его, но и ее шесть десят-

ков лет были не за горами. Все это вызвало депрессию. Отсюда и тошнота, и рвота, и головная боль.

– Сейчас ты уснешь и проснешься здоровой, – сказал он.

– Хорошо бы, – ответила она и тут же погрузилась в сон.

Он почувствовал, что хочет уйти. Куда – неважно, хотя бы посидеть в скверике, где он когда-то проучил молодых отморожков. Но что-то удерживало его. Пожалуй, жена. Она должна увидеть его, когда проснется. Иначе депрессия вернется снова. Значит, необходимо дождаться ее пробуждения.

Из квартиры Алексей отлучился только раз. В холодильнике было пусто, как в подбитом танке. И он отправился в магазин за продуктами. Что стало с теми пацанами, которые когда-то пасли его по наущению покойного Клима? Похоже, они перестали навещать не только в подъезд, но и во двор. Сидят, наверное, на игле либо словили вечный кайф от передозировки.

Жена проснулась, когда он сготовил и обед, и ужин. Вышла из спальни и сказала:

– Мне стало и в самом деле легче, Алеша.

– Так и должно быть. Давай ужинать.

Сидели за столом вместе, как в прежние времена.

– Наш Олег переехал из Англии в США. Вызов мне прислал. Ехать?

– Как хочешь.

– А ты как думаешь?

– Съезди, осмотришься. Не понравится – вернешься.

– Скажи, Алексей, зачем ты пришел?

Он будто споткнулся, набрав скорость. Действительно, зачем? Снова вдруг подступила хандра. Он оглядел комнату, взгляд его остановился на встроенной кладовке, где он хранил свои снасти. И ответ напросился сам собой:

– За рюкзаком и удочками.

И тут только понял, что его неудержимо тянет Остров, преобразивший и самого, и всю судьбу.

– Не обижайся, – сказал он жене. – Я соскучился по рыбалке.

Она грустно усмехнулась и отважилась спросить:

– С рыбалки сюда вернешься?

– Не знаю.

Он встал, решительно открыл кухонный шкафчик, экспроприировал у жены пачку геркулеса, отсыпал из банки в пакет муки, чтобы приготовить насадку. Достал из кладовки спиннинги и походный рюкзак с рыбацким снаряжением. Еще раз посоветовал жене навестить в чужой стране сына и вышел.

Сумерки уже перешли в ночь, на небе высветился месяц. Косой дождь остался на другом конце Москвы. Алексей добрал до метро, где в позднюю пору ловили клиентов проститутки и автомобилисты – бомбёры. Денег у него с собой было достаточно. Пилот выдал ему весьма приличный аванс.

Частника он нашел сразу же. Тот открыл дверцу:

– Куда, рыбак?

– На Оку.

– Ты знаешь, во сколько это обойдется?

– Во сколько?

– По ночному времени восемь тысяч.

– Поехали!

На свой Остров он прибрел, когда уже начало светать. Ступал в болотных сапогах по мокрой луговине, распугивая сонных лягушек. Птицы еще не начали веселый гомон. Невесомым

покрывалом стелился по земле молочный туман. Длинными прядями он стягивался к реке и сгущался в знакомой заводии с песчаным мыском.

Алексей не стал ставить палатку. Развернув, раскинул ее на влажном песке, будто собирався прилечь. Замесил в речной воде мучной колобок. Автоматически, по сохранившейся привычке, зарядил кормушки сухим геркулесом, насадил на крючки катыши теста, забросил в кружение воды. И уселся на расстеленную палатку, бездумно глядя на проблескивающую сквозь клочья тумана воду.

Какое-то время в голове не шевелилось ни одной мысли. Затем прорисовался облик его умненькой дочки, которую он собрался навестить в Алма-Ате сразу после избирательной компании. Но Аленушка не задержалась в его воображении. Улыбнулась беглому отцу и скрылась в синей дымке.

Ему снова привиделись Чижи и ее обитатели. Игорь был еще живой, и счастливая Капитолина упивалась его любовью. Живая Магдалина ходила по комнате, покачивая тугими бедрами. Освободившийся от коросты и сбросивший с себя груз вины рыбак Петр смотрел на мир светло и задумчиво... И он сам, далёкий потомок аэолов, уверовавший в свою особую миссию. Не состоялась миссия, потому что не дано изменить мир одному человеку. Это под силу лишь всему человечеству, если оно все-таки прозреет. А прозреет ли?..

Перед мысленным взором Алексея возникла нездешняя женщина с зеленоватыми локонами волос и ласковыми кошачьими глазами. Вот, оказывается, почему приманил его остров. Он хотел видеть Онику.

– Я жду тебя! – мысленно воззвал Алексей.

Ответа не было, но он не сомневался, что она услышала его зов.

Дрогнул и залился серебристым звоном колокольчик на одной из закидушек. Алексей глянул на него отрешенным взглядом и не стронулся с места. Вглядывался туда, где русловая струя огибала остров, задерживалась, наткнувшись на мель, и устремлялась к противоположному берегу. Дневное светило уже выползло на край неба, и его лучи, пронзая туманную завесу, коснулись чешуйчатой ряби воды.

В той стороне на бледно-голубом небе возникло белое облачко и стало быстро увеличиваться в размерах. Вскоре оно полностью закрыло солнечный диск. На середине реки слились в шевелящийся клубок клочья тумана. Густым белым дымом они напозли на остров, заслонили камышовый островок, береговые кусты и мыс с удилищами.

Алексей знал, что сейчас увидит женщину из будущего, а, возможно, и из прошлого. Потому нисколько не удивился, когда услышал немое приветствие:

– Я рада видеть тебя, Алекс!

Оника стояла рядом с ним, маленькая, изящная женщина с теплыми зеленоватыми глазами.

– Здравствуй, Оника! – мысленно ответил он и протянул к ней руки.

Она отступила на шаг.

– Тебе плохо? – послала ему вопрос.

– Плохо. Я хочу к вам, к тебе.

– Еще не пришло время.

– Когда оно придет?

– В день искупления.

– Для кого искупления?

– Для всех, живущих на планете.

– Земля перестанет быть местом ссылки?

– Да. Очищение через страдания.

– Когда он наступит, день искупления?

– Тебе сообщат.

Алексей шагнул к ней, боясь, что Оника отодвинется или исчезнет. Но она не отодвинулась, не исчезла. И не отстранилась, когда он положил руки на ее плечи. Они одновременно опустились на расстеленную палатку. Он тронул ее холодные и шелковые на ощупь волосы, провел пальцами по теплым вискам. Горячие ладони она засунула под его рубашку, и он услышал ее беззвучные слова:

– Я тоже люблю тебя.

Алексей потянулся губами к ее губам, но она увернулась.

– Нельзя.

– Встань, Оника! – раздался голос, жесткий и острый, как рваное железо.

Туман стал еще гуще, в нем едва проглядывался силуэт в синей одежде Хранителя мудрости.

– Ты мерзкий соглядатай, Эвис! – произнесла она, без гнева и с грустной покорностью.

– Ваше время еще не пришло. Возведи поле!

Туман стал обволакивать Онику и все в округе, поглощая четкие очертания и, наконец, она истаяла в нем вся. Хранитель мудрости по имени Эвис смотрел на Алексея, скрестив руки.

– Ты, мудрец! – крикнул ему Алексей. – Я устал жить!

– Смирись и жди...

Фанфурики

1

Вернувшись со своего Острова, Алексей сутки не мог прийти в себя. Перед глазами стояла Оника. Почти три столетия – не слишком ли много для ожидания? Сменятся четыре поколения людей, пока наступит Судный день, и Алексей сможет скинуть с себя вериги навязанного ему обета. За это время успеют состариться и покинуть земное бытие не только его дети, но и их внуки. А он останется таким же, но чужим для каждого поколения и неприкаянным, как вечный Жид...

Жизнь продолжалась. Надо было отрабатывать долг Пилоту, и Алексей взял себя в руки. Выполз из дома на улице Вострухина, побродил среди пятиэтажек, дошел до метро. В магазине «Эльдорадо» купил себе навороченный ноутбук, зарегистрировав его на свою временную фамилию Турченко. Когда истекли трое суток, которые дал ему Пилот на адаптацию, за ним приехал на Жигулях девятой модели Талгат. Он позвонил ровно в 7.30 утра и повез в избирательный штаб генерала Баскакова.

Столица уже проснулась, по Рязанскому проспекту шел сплошной поток автомобилей. Ближе к центру машинный поток стал гуще, но тугих пробок пока не было. Невозмутимый и молчаливый Талгат лавировал среди иномарок, ухитряясь оставлять их позади. Уличную Москву Алексей знал плохо, привык к перемещениям в подземке. Лишь по памятнику Гагарину сориентировался, что их жигуль выбрался на Ленинский проспект, откуда свернул на Профсоюзную улицу.

Через час с лишним они подъехали к железным воротам с охранником. Талгат сунул ему под нос зеленый пластик, и ворота со скрипом открылись. Их девятка остановилась у здания с выцветшей вывеской «Федерация футбола». За металлической дверью находился турникет, за которым маячил добрый молодец в синей униформе. Наверняка, подчиненный Георгия. Алексей поднес пропуск к зеленому пятну, турникет освободил проход. Охранник оглядел его пристальным взглядом.

– Начальник службы безопасности здесь? – спросил его Алексей.

– Ромео? – переспросил тот и показал на коричневую дверь слева с надписью «Диспетчер».

Георгий сам вышел в вестибюль.

– Я провожу вас, – сказал.

Похоже, что к футболу здание никакого отношения давно не имела. Большой зал был разделен на отсеки с множеством столов и компьютеров. В торце было небольшое дощатое возвышение в виде помоста. На нем, видимо, чествовали когда-то отличившихся спортсменов. Теперь на помосте стояли обычный классный стол, накрытый зеленым сукном, и три канцелярских стула. Из зала четыре высоких двери вели в другие помещения. Георгий показал на крайнюю дверь:

– Генерал Баскаков ждет вас, – и вернулся на свой диспетчерский пост.

Алексея встретил средних лет мужчина в строгом сером костюме, не скрывавшим выправки кадрового военного. Он с любопытством и некоторым недоверием оглядел нового сотрудника, рекомендованного Пилотом. Похоже, очень сомневался в его непонятных для обычного человека способностях. Спросил через довольно продолжительную паузу:

– Вы – Алексей? То есть Иван Сергеевич?

– Да.

– Здравствуйте! Я – Баскаков. Ваше рабочее место в кабинете начальника избирательного штаба. Я предупредил его. Идемте знакомиться.

Кабинет руководителя выборным процессом располагался по соседству. В комнате стояли три письменных стола, два буквой «Т», один на отлете. На стенах с двух сторон висели новенькие бра. При футбольной федерации их здесь явно не было. Да, и вообще, им тут не место. Похоже, что служат они для слуховых жучков или видеоглазков. А пульт, наверняка, у Георгия, в диспетчерской.

В председательском кресле сидел молодой человек в красном пуловере, из-под которого выглядывала белая сорочка. Был он черноволос, бел лицом и уверен в себе.

– Виктор Спартакович Шишмарёв, – назвал его генерал и представил Алексея: – Иван Сергеевич Турченко. – Затем распорядился:

– Ознакомьте коллегу с обстановкой, Виктор.

Когда генерал вышел, Шишмарев сказал:

– Давай, Иван, без церемоний, без отчества и на «ты».

– Давай, – согласился Алексей.

– Раньше тебе приходилось работать в избирательной кампании?

– Нет.

В голове Шишмарева мелькнуло легкое удивление, тут же сменившееся удовлетворением. Алексею нетрудно было расшифровать и то, и другое. Удивление из-за того, что его консультантом стал человек без какого-либо опыта. Удовлетворен же он был тем, что новый работник конкурентом ему не станет. «Ванька он и есть Ванька! Может, даже генеральский родственник. А в команду генерал его впихнул, чтобы срубил деньги».

Виктор Шишмарев руководил уже третьей избирательной кампанией. Первая и самая памятная – выборы губернатора Московской области. Он работал тогда на известного биатлониста, поменявшего вдруг родимую лыжню и надежный карабин на политическую целину. Финансировал выборы заслуженного спортсмена магнат по фамилии Живило, который что-то не поделил с кемеровским губернатором, и тот его выпер из Кузбасса. Долларов магнат не жалел.

Учитывая административный ресурс, Шишмарев тогда посчитал главным соперником биатлониста прежнего губернатора, и все внимание сосредоточил на нем. Спортсмен проиграл выборы, но не ему, а генералу-афганцу, остававшемуся в тени до поры до времени. Несмотря на проигрыш, Шишмарев заработал за ту кампанию триста тысяч зелеными.

Во второй раз ему удалось зацепиться за выборы в областную Думу. Заработок был не в пример меньше. Но его кандидат победил. Команда попала в негласный список тех, в ком нуждались соискатели мандатов.

Шишмарев сам предложил генералу Баскакову свои услуги, для чего даже занизил их рыночную стоимость. И теперь горел неукротимым желанием выиграть выборы, чтобы оставаться на виду и быть всегда востребованным.

Все это Алексей без труда выудил из тайничков его извилин.

– С чего начнем? – спросил Шишмарев.

– Введи в обстановку, Виктор. Кто конкуренты нашего генерала?

– Конкурентов хватает. Основных – два. Коммунист Звоников по прозвищу Оратор и бизнесмен Заурбеков.

– Подборки материалов из СМИ на них имеются?

– У нас есть досье на всех, кроме Звоникова.

– Что так?

– Потому что он – Оратор. В газетах не печатается. Ездит с мегафоном в открытом газике по улицам и произносит речи. Никаких текстов, на голой интуиции. Его досье – пустая папка.

– Сторонников у него много?

- Имеются. Умеет забалтывать электорат. Но главный наш соперник – Заурбеков.
- Дай его досье. И нашего генерала тоже.
- Тебе это надо? – насторожился Шишмарев.
- Должен же я отрабатывать свой хлеб с маслом.
- Должен, – усмехнулся успокоившийся Шишмарёв. – Отрабатывай.

Алексей устроился за столом, стоявшим на отшибе, и углубился в публичное досье виновника гибели своих друзей.

Папка была довольно объемной. В ней были копии выступлений Заурбекова чуть ли не по всем каналам телевидения и вырезки из самых разных газет: «Московский комсомолец», «Коммерсант», «Новая газета» и прочие. Прочитать все – не хватит и дня. Он выборочно начал перелистывать листы.

Судя по прессе, Заурбеков предпочитал прямое обращение к читателям: «Дорогие земляки – избиратели!», «Дорогие солдатские матери!», «Доблестные защитники Отечества!» и все в таком роде. Эти публикации были с его фотографиями. Ретушёр постарался, и он выглядел на них, как былинный русский витязь. Чуть ли не безгубый рот стал вполне нормальным. Восточный тип лица едва проглядывался.

Не чурался Заурбеков и авторства серьезных статей: «Независимые люди всегда неудобны», «Главное – не падать духом!», «Куда идут ваши налоги». В текстах он не выпячивал себя, выглядел серьезным аналитиком. Зато статьи «нейтральных» корреспондентов изобиловали дифирамбами. В них описывались строительство храмов и спортивных площадок с обязательной фотографией кандидата со священнослужителями, с богомольными старушками, среди детворы. Рассказывалось о материальной помощи детским домам и школам, спонсорской поддержке работников искусств, облагораживании кладбищ. В одной из газет был даже опубликован политический сканворд, в котором был вопрос: «Кто, на ваш взгляд, победит на выборах?» Вписывалась в обозначенную клетку только фамилия Заурбекова.

Ничего не скажешь, толковая команда работала на него. И оплаченные журналисты не лишены способностей.

В одной из газет Алексей наткнулся на таблицу со сведениями об имуществе соискателей депутатского мандата. Самым бедным в списке оказался Звоников. У него не было ни земельных участков, ни дач, ни гаражей. Лишь – квартира в хрущевской пятиэтажке и газик пятнадцатилетней давности.

Заурбеков по своим доходам и имуществу был на первом месте. Но доходы особо не впечатляли. Так, бизнесмен средней руки. Понятно, что фирмы и недвижимое имущество его юристы регистрировали на подставных лиц. Ну, а криминальный капитал никто и никогда не показывал...

Папка генерала Баскакова была раз в пять тоньше. И статьи в ней отличались прямолинейностью и тяжеловесностью, будто прошли через цензорские жернова. Возможно, генералу просто не хватило средств, чтобы нанять талантливых ребят. Не исключено также, что таков был уровень его мышления. Ясно, что с таким багажом в лидеры предвыборной гонки ему не выбиться.

Ровно в десять утра Шишмарев поднялся из-за стола:

- Пора на летучку, Иван, фанфурики уже на месте.
- Кто на месте? – переспросил Алексей.
- Наши сотрудники.

«Фанфурики» звучало с оттенком снисходительности, и даже пренебрежения. Слово было в стиле желавшего главенствовать Шишмарева. Оно подчеркивало разницу между руководителем и подчиненным человеком.

- Ты не обидишься, Иван, если я представлю тебя своим заместителем?

– Представляй.

В зале было не меньше тридцати человек. Одни сидели за компьютерными столами на вертящихся креслицах. Другие устроились в своих отсеках на канцелярских стульях. На отшибе Алексей обнаружил Георгия и Юлию, сидевших на диване у входной двери. С ними была чернявая девица в топике, открывавшем пупок с серебряной бусинкой. У нее было лицо южанки из семитского племени, с грешными губами и круглыми топкими глазами. Если бы не голый пупок, ее бы можно назвать весьма привлекательной. Алексей поймал себя на мысли, что ему знакомо ее лицо. Хотя, всего скорее, он ошибался.

Двигаясь по проходу к сцене, Шишмарев небрежно пояснял:

– Креативная группа, имиджмейкеры, пресс-служба...

Журналистское прошлое сказалось. На пресс-службу Алексей обратил особое внимание. За компьютером сидел молодой и лысоватый толстячок, на стульях – три юных барышни. Одна – полноватая и некрасивая, в сером вязаном костюме. Две другие – ярко одетые, и тоже, как девица на диване, с голыми пупками.

– Привет, фанфурики! – по-свойски обратился к аудитории Шишмарев, когда они с Алексеем заняли места за столом, накрытым зеленым сукном. – Представляю вам нашего нового сотрудника. Мой заместитель Турченко Иван Сергеевич. А теперь выкладывайте новости и идеи.

Новость была только одна. Серокостюмная барышня из пресс-службы подняла, словно школьница, руку:

– Можно мне, Виктор Спартакович?

– Озвучивай.

– Вчера в электричке я видела двух теток. Они ходили по вагонам и пели частушки. Одну частушку я записала. – Она открыла блокнот и процитировала: *«Мы на выборы вдвоем вместе с миленьким идем. У милёнка светлый волос. Он в любви неутомим. Мы на выборах свой голос Заурбеку отдадим»*. – Частушки, конечно, не профессиональные, Виктор Спартакович. Но пассажиры к ним прислушивались. Предлагаю взять на вооружение.

– Дешевка! – отреагировал Шишмарев. – Садись, дудыня!

Еще одно новенькое словцо – «дудыня», – отметил Алексей. – Что-то типа «гусыня», и тоже с долей небрежения.

– От вас должны исходить идеи, а не алкогольный перегар, – продолжил Шишмарев. – Так, Лубченков?

Лысоватый толстячок поднялся с места:

– Совершенно верно.

– Две твои дудыни явились вчера с перегаром. Разберись, или я сам приму меры!

– Разберемся, Виктор Спартакович.

– Так что, фанфурики? Есть идеи или нет?

Идей не было. Похоже, что их генерировал только сам Шишмарев.

– Одну идею я для вас приготовил, – объявил он. – От штаба господина Заурбекова поступило предложение подготовить совместное обращение к избирателям «За честные выборы!», которое должно быть подписано обоими кандидатами. Надеялись, что мы откажемся, и они этот факт обыграют. Напрасно надеялись. В 16.00 мы с моим заместителем поедem к ним для обсуждения текста обращения. Наш кандидат тоже за честные выборы! Но, как вы понимаете, абсолютно чистых выборов не бывает. Мы не станем клеветать в наших агитках Заурбекова. Станем это делать руками наших и его соперников. Лучше всего, от имени коммунистов. В этих листовках будем долбать его по-черному, и по-умному – генерала Баскакова. В своих же агитках станем Заурбекова похваливать, но так, чтобы избирателя тошнило. Тут должна постараться наша пресс-служба. Понял, Лубченков?

– Понял, Виктор Спартакович. В какой типографии станем печатать левые листовки?

Алексей уловил исходящие от начальника прессслужбы волны неподдельного интереса, и это его насторожило.

– Типография – мое дело, – ответил Шишмарев. – Ваша задача перевести стрелки на Ора-тора. Постарайтесь написать так, чтобы заурбековцы сильно прогневались и стали обливать грязью кандидата от коммунистов. Наш генерал, само собой, останется в стороне.

– Хитро придумано, – поддакнул Лубченков.

– Следующее, – продолжил Шишмарев. – Мы должны подготовить и распространить брошюру под названием «На 50 главных вопросов избирателей отвечает генерал Баскаков». Вопросы должны вобрать в себя самые болевые точки: работа, зарплата, пенсии, призыв в армию и прочее. Два дня сроку на то, чтобы каждый из вас подготовил по три вопроса и ответы на них. Так, чтобы они зацепили избирателей. Со стилем не напрягайтесь, главное – содержание. Мы найдем писателя, чтобы он вашу лабуду переработал и придал ей читабельность.

– Мы и сами можем сделать брошюру читабельной, – снова поднялся с места Лубченков.

– Профессионализма не хватит! – осадил его Шишмарев. – Всё, фанфурики! Бабки вам выданы. Занимайтесь своими агитаторами, готовьте встречи с избирателями, договаривайтесь с попсой насчет концертов. И не вздумайте вольтанить!

В кабинете Шишмарев спросил Алексея:

– Как тебе летучка, Иван? По делу?

– По делу. А что за люди сидели на диване у выхода?

– Двое из службы безопасности: начальник и психолог с детектором лжи. Дармоеды. Мне они не подчиняются, контактируют напрямую с генералом. Девуля с пирсингом на пупке – менеджер. Сонька Сахарова, родом из Одессы. Все переговоры с прессой, телевидение и съемка – на ней. Ей уже за тридцать, а может, и под сорок, но выглядит, как выпускница вуза. В узде себя держит.

– В каком смысле «в узде»?

– Спорт, диета. По ночным клубам не шляется. Профессионалка, но дорогая!

– Охарактеризуй каждого из руководителей групп и, по возможности, рядовых сотрудников.

Гримаса недовольства скользнула по лицу Шишмарева, но спорить с консультантом он не стал. В незнании анкетных данных его нельзя было упрекнуть. Все сотрудники были с высшим образованием, четверо имели кандидатскую степень. Однако выглядели они в его изложении безликими, как магазинные манекены. Слегка оживел Шишмарев, когда дошел до пресс-службы.

– С Лубченковым мы жили раньше в одном доме. Закончил журфак МГУ. Что-то сочиняет, никогда не читал. Хороший исполнитель, но не лидер. Девочек в отдел подобрал из выпускниц своего факультета. Страхолюдина Кривова лезет из кожи, чтобы себя показать. Толку от нее мало. Дудыня, в общем. Две других, с голыми пупками, изображают из себя матерых журналюг, но пишут на тройку с минусом. Зато дают без отказа, лишь бы в кабаки сводили. Можешь сам убедиться.

– Хорошо знаешь персонал, – похвалил Шишмарев Алексей.

– На этом держимся, – без ложной скромности согласился тот.

– Пойду, побеседую выборочно с народом.

– С журналистками?

– Нет, с руководителями групп.

– Тебе это надо? – опять спросил он. – Ах, да. Отрабатываешь хлеб с маслом. Валяй!

Алексея интересовал лишь один Лубченков. Его девицы успели улетучиться, в своем отсеке он был один. Щелкал мышкой, уставившись на монитор.

Для отвода глаз Алексей побеседовал с креативщиком и направился к Лубченкову. Тот оторвался от компьютера и привстал с креслица:

– Рады видеть новое начальство, – поприветствовал он Алексея. – Как видите, я на посту, а девушки в поле. Журналиста, как и волка, ноги кормят.

Алексей устроился на стуле рядом.

– Вы задали Шишмареву вопрос о типографии. Что, могут возникнуть проблемы?

– В общем-то, нет. Но информация лишней не бывает.

В тот же миг в голове его возник образ одышливого толстяка в круглых очках, протягивающего ему пачку зеленых ассигнаций. Возник и тут же исчез, уступив место серебристой иномарке. Эх, Лубченков, Лубченков! Убогая же твоя голубая мечта! За серебристый автомобиль проданся!.. Алексей задал ему еще пару ничего не значивших вопросов и спустился на первый этаж к Георгию.

– Засланный казачок – начальник прессслужбы. Платит ему кассир из штаба Заурбекова. Это пожилой толстяк в круглых очках. Лубченков копит деньги на серебристый спортивный автомобиль. Чтобы не было подозрений, пусть Юлия устроит проверку на детекторе лжи всех руководителей групп. Пропуск у Лубченкова отбери, чтобы с завтрашнего дня он здесь не появлялся.

– Сделаем, – коротко ответил Георгий.

– Шишмарев пригласил меня на переговоры в штаб Заурбекова.

– Я в курсе.

Алексей не сомневался, что Георгий в курсе. Недаром, в кабинете Шишмарева висят бесполезные бра.

– Мне ехать или нет? – спросил он.

– Решайте сами. Встреча с Заурбековым вам не грозит. Он из своего офиса выходит редко. Даже на встречи с избирателями почти не ездит. А если едет, то с большой охраной и в бронезилете.

– Кто руководит его штабом?

– Политолог из гайдаровского института, фамилия Самойлов. На подхвате у него – помощник Шурик. Любит, когда его называют Санч – сокращенно от «Александр Александрович». Предан Самойлову, как любимая собака. Оба – те еще пройдохи!..

Когда Алексей вернулся на свое рабочее место, Шишмарев спросил:

– Ну, как?

– Нормально. Вроде бы все занимаются делом. Хотя, чем конкретно, не знаю.

– Не бери в голову, Иван. Их конкретные дела – моя забота. Не исчезай, скоро обед. Тут нас на халяву кормят. Обед привозят из кафе. Ты Баскакова давно знаешь?

– Служил когда-то у него.

– Где, если не секрет?

– В Забайкалье.

– Ни хрена себе – Тмутаракань! Сейчас тоже служишь или свалил из армии?

– Свалил.

– Правильно сделал. Умному человеку на гражданке – раздолье. В армии только генералы прилично кормятся. Остальные – голь пережатая.

Дверь без стука распахнулась, и в кабинете объявился «прилично кормящийся» Баскаков.

– Я уезжаю, Виктор. Предупреди руководителей групп, чтобы после обеда никуда не отлучались. Они должны пройти проверку на детекторе лжи.

– Нас это тоже касается? – спросил, изображая неведение, Алексей.

– Нет, вы – вне подозрения, – и вышел.

– Вот они, армейские порядки! – недовольно пробурчал Шишмарев. – Слава Богу, хоть мы вне подозрения.

Предвыборный штаб Заурбекова располагался в обнесенном решетчатой металлической оградой двухэтажном особняке недалеко от метро «Кропоткинская». В этом районе много таких старинных особняков. Неохраняемые ворота были распахнуты: входите, въезжайте, у нас секретов нет! На здании красовался большой портрет кандидата в депутаты. На нем красными буквами бросалась в глаза надпись «Всегда с народом!».

Слева от подъезда находилась обнесенная ажурным заборчиком и сверкавшая свежей краской чистенькая курилка. Две скамейки на гнутых ножках стояли по бокам красной урны в виде пингвина. С правой стороны здания была разлинована десятиместная автостоянка с обозначенными белой краской номерами автомобилей. Четыре места были заняты иномарками. Остальные свободны. На трех красовалась надпись: «Гостевая». На одной из них и припарковалась «Шкода», на которой приехали Шишмарев и Алексей.

Охранник в милицейском камуфляже без погон и в кепке с длинным козырьком топтался на подъездных ступенях. Что-то знакомое почудилось Алексею в его облике. И тут же память услужливо нарисовала вихлястого парня с лисьей физиономией, пасшего его вместе с напарником-борцом в вагоне алма-атинского поезда.

Тогда Алексей ехал в бывшую столицу Казахстана к дочери. Двухместное купе он делил с финансово-кредитной дамой. Последовавшие за ним пастухи входили в группировку Юсупа. А тот был подручным Заурбекова. Пастухи ухитрились переместить даму в купе к борцу Кериму, а вихлястый парень вселился на свою беду к Алексею. Так ему было сподручнее следить за Утопленником. Кончилось все тем, что Серый, как тот назвал себя, сдал подельника и отправился назад в Москву. Керим обвинил финансовую даму в краже денег и хотел выбросить с поезда. Алексей помешал ему. Дама сама вытолкнула борца из тамбура под откос.

– Рад тебя видеть живым, Серый, – глядя на охранника в упор, произнес Алексей, когда они с Шишмаревым поднялись на крыльцо.

Тот тоже признал Утопленника, несмотря на то, что гример добросовестно потрудились над внешностью Алексея. Видно, встреча в поезде и исчезновение напарника на веки вечные врезались в скудные извилины. Лисья физиономия вытянулась еще больше, глаза забегали и остановились на пингвиновой урне. Сам же он застыл, словно кролик перед удавом...

– Не надо пугаться, Серый.

Тот не отреагировал на доброе пожелание.

– Помнишь, о чем договаривались?

– П-помню.

Он и попытки не сделал проверить документы. Как стоял мумией, так и остался.

– Знакомый? – спросил Шишмарев, когда они поднимались по лестнице.

– Сын соседки, – наспех придумал Алексей.

Вход на второй этаж сторожили два здоровяка из вневедомственной охраны, прапорщик и сержант. Оба решительно преградили им путь. Прапорщик, не скрывая подозрения, спросил:

– Кто такие?

– Мы от генерала Баскакова, – ответил Шишмарев. – Прибыли на совещание.

Стражи удивленно переглянулись и потребовали паспорта. Сверились со списком. Удовлетворенно кивнули.

– А что, внизу нет охранника? – поинтересовался прапорщик.

– Стоит какой-то фанфурик, – ответил Шишмарев.

– Чего же он не позвонил про вас?

– У него спросите.

– Вас ждут в головном офисе, – и приказал сержанту: – Проводи!

У двери с надписью «Приемная» провожатый вежливо сказал: «Вам сюда» и вернулся к своим сторожевым обязанностям. Из-за секретарского стола поднялась жгучая брюнетка:

– Господин Самойлов ждет вас, – и сама распахнула для важных посетителей дубовую дверь в шикарно обставленные апартаменты.

Самойлова Алексей признал сразу. Это был представительный высоколобый мужчина неопределенного возраста. В прежние времена он часто мелькал на телеэкране, когда озвучивал рейтинг кандидатов в президенты. Пьющий Ельцин у него всегда опережал других соискателей властного титула. Да и теперь политолог изредка выступал с политическими прогнозами и комментариями значимых событий. Рядом с ним сидел его помощник. Модно уложенные светлые локоны и небрежная элегантность в одежде делали его похожим на эстрадного артиста.

Самойлов встретил их улыбкой и цепким неулыбчивым взглядом. Шишмарев представился, как начальник избирательного штаба Баскакова, и назвал себя по фамилии, имени и отчеству. Алексей в его представлении удостоился только имени-отчества с добавкой «подполковник запаса».

Когда уселись за круглый стол, подчеркивающий равенство сторон, хозяин апартаментов спросил:

– Кофе? Коньяк?

– Лучше сразу к делу, – отказался Шишмарев.

– Одобряю, – согласился политолог. – Вот подготовленный текст совместного обращения к избирателям наших кандидатов – Заурбекова и Баскакова, – достал из кожаной папки несколько листков. – Мы предлагали присоединиться и коммунистам, но они, к сожалению, отказались. Читайте. Если у вас есть замечания, подкорректируем вместе.

Алексей пробежал текст по диагонали. Все было правильно: не убавить, не прибавить. В лозунгах и агитках всегда все правильно. Впрочем, не его это дело. Его задача – читать мысли.

Политолог оказался крепким орешком. Высоколобое чело словно было закрыто свинцовым экраном и сканированию поддавалось с трудом.

Шишмарев вчитывался в каждое слово «обращения», будто отыскивал в тексте скрытую мину. Наконец, недовольно произнес:

– Почему фамилия вашего, а не нашего кандидата стоит первой? Следовало поставить в алфавитном порядке.

– Дельное замечание, – согласился Самойлов, и колючие точки в его глазах обозначились острее. – Переставим фамилии.

После замечания Шишмарева одна мысль в голове Самойлова прорисовалась, как на картинке: «Серенький человечек. Пыжится, чтобы показать свою значимость. Его зам – серьезнее, хоть и из армейцев. Что-то в нем есть, стоит, пожалуй, к нему присмотреться».

Колючие точки исчезли из глаз политолога.

– А вы что скажете по тексту обращения? – обратился он к Алексею.

– Я согласен с коллегой.

– Что ж, вносим правку, и в добрый путь!.. Может быть, все-таки по рюмашке в честь удачного завершения переговоров?

– Нет, – отрезал Шишмарев.

По губам помощника Самойлова скользнула ироничная улыбка...

На выходе из особняка уже стоял другой охранник. Серый с понурым видом сидел в курилке. Алексей помнил его разбитным и вихлястым, будто на шарнирах. Наверное, считал, что это придает ему блатной шарм. Теперь же он лишь перебирал ногами – все, что осталось от прежней привычки. Видать, и его укатали крутые горки.

– Подожди минуту, – сказал Алексей Шишмареву и направился к незадачливому знакомцу. При его появлении тот съезжился еще больше.

- Втык получил? – посочувствовал ему Алексей.
- Лицо у Серого искривилось, он кивнул и проговорил:
- Менты нажаловались, что спал на посту.
- Кому нажаловались?
- Казбеку.
- Кто такой Казбек?
- Вместо Юриста теперь.
- Он тут?
- Нет. В клубе, у Евы. Здесь черные не бывают.
- Успокойся, Серый! Выживешь!
- Когда Алексей уселся в машину, Шишмарев спросил:
- Чего ты с ним нянчишься, Иван? Он же шестерка – без пользы для нас.
- Жалко парня. Неприкаянный он.
- На всех неприкаянных жалости не хватит, Иван.

В ворота бывшей футбольной федерации они въехали в половине шестого. Еще через пять минут были на месте. По сравнению с заурбековским, их избирательный штаб выглядел, как «запорожец» перед сверкающим лимузином. Но и «запорожец» – средство передвижения, а в смысле проходимости – даст фору и лимузину. Особенно, если дорога грязная и вязкая.

- Кофеем побалуемся? – спросил Шишмарев, доставая из тумбочки кофейник.

Однако побаловаться они не успели. В кабинет ввалился взъерошенный Лубченков. От его вальяжного вида не осталось и следа.

- Что происходит, Виктор? – растерянно выговорил он.
- Ну, и видок у тебя! – спокойно отреагировал Шишмарев. – Что стряслось?
- Пропуск отобрали. Из штаба до твоего приезда не выпускают.
- Кто?
- Служба безопасности.
- Проверку на детекторе лжи прошел?
- Прошел.
- Ну, и как?
- Откуда я знаю! Эта сикушка задавала всякие дурацкие вопросы: про какого-то человека, то ли толстого, то ли худого, про то, какие цвета иномарок мне нравятся, хотя у меня всего лишь «жигули». Зарплатой интересовалась и левыми доходами. А откуда у меня левые доходы? Робот, а не баба: «Результат узнаете после обработки ваших ответов». И ни слова больше!

- Не дергайся. Сейчас разберемся.

Он набрал по внутренней вертушке три цифры.

- Георгий? Будь другом, загляни ко мне на минутку.

Ромео не заставил себя ждать. Кивнув на Лубченкова, спросил Шишмарева:

- Жаловаться на меня прибежал?
- Объясни, что произошло.
- Обычное дело: конкуренты заслали агента. Вот он, перед тобой.
- Какие конкуренты?
- Заурбековцы.
- Не может быть, Георгий!
- Может. Электроника не врет. Он уже успел получить за слитую информацию двадцать тысяч баксов. Мы даже знаем, что платил ему полный одышливый человек, казначей Самойлова.

Лицо Лубченкова пошло пятнами, а сам он стал похож на побитую собаку.

– Ты чего натворил, фанфурик? – рыкнул Шишмарев на Лубченкова. – Я тебя взял, потому что ты все время ныл, что денег не хватает! А ты политологу продался и меня продал, хрен моржовый! Вот они – «честные выборы»! Шпионов засылает! Завтра позвоню ему и скажу, что мы опубликуем свое обращение и назовем его «Шпионские игры»!

– Звонить не надо, Виктор, – перебил его Георгий. – На войне, как на войне. Но все, что вы сегодня решили на летучке, надо отменить. Потому что ваш приятель завтра все им выложит. Лучше набей ему морду!

– Я рукоприкладством не занимаюсь. Пускай идет на все четыре стороны!

– Поступай, как знаешь, – с этими словами Георгий вышел.

Шишмарев тяжело вздохнул, вперился в Лубченкова:

– Иуда ты, фанфурик! Сгинь с моих глаз!

Тот поднялся. Побитая собака из его облика исчезла. Даже кривая усмешка появилась на губах.

– Сам ты фанфурик и кретин, Шиш! И все вы здесь кретины! Вашему сброду никогда не выиграть выборы!

– Вон! – заорал Шишмарев.

Он долго еще не мог успокоиться и после того, как его бывший однодворец удалился. Лишь выкурив подряд две сигареты, стал приходить в норму.

– Такую акцию провалил, засранец!

– Акцию с фальшивыми листовками? – равнодушно посочувствовал Алексей.

– Ну, да. Я ее у украинцев подсмотрел.

– Отмени и забудь.

– Между прочим, я не верил в детектор лжи. А оно вон как повернулось. Попрошу Георгия, чтобы он всех проверил. Вдруг еще какой-нибудь ханурик затесался?

– Детектор тоже можно обмануть, Виктор. Но нужна специальная подготовка.

– У наших фанфуриков такой подготовки нет.

Шишмарев встал, направился к двери, снова вернулся на место.

– С прессой что-то надо решать, без главного редактора группа осталась.

– Назначь временно девчонку, которая про частушки рассказывала.

– Наташку Кривову? Она же дудыня!

– Зато старательная. Если не справится, пригласи толкового журналиста.

– Толковых расхватили за толковые деньги.

Перед мысленным взором Алексея нарисовался давний и надежный друг Валера Рязанцев, на даче которого он скрывался после побега от безгубого Заурбекова.

– Не всех толковых расхватили, Виктор, – ответил он.

– Может, есть кто у тебя на примете?

– Есть.

– Озвучь!

– Нет, проверим Кривову. А понадобится, сначала сам с ним поговорю...

На вечерней летучке Шишмарев не поприветствовал фанфуриков. Сидел и обводил подозрительным взглядом собравшихся. Аудитория примолкла. Голопупые девчонки из пресс-группы, обеспокоенные отсутствием начальника, крутили головами. Только Кривова сохраняла спокойствие. Но и она не выдержала непонятного молчания. Подняла, как в прошлый раз, руку и обратилась к Шишмареву:

– Виктор Спартакович, я подготовила вопросы и ответы для брошюры.

– Зайдешь ко мне после летучки, посмотрю, что ты настряпала.

– У меня есть предложение.

– Озвучивай.

– В почтовые ящики избирателей кидают столько рекламного и выборного хлама, что его, не читая, выбрасывают. Оставляют только полезную информацию, а ее в агитках не бывает.

– Это всем известно, Кривова. Давай короче.

– Предлагаю назвать брошюру «Полезные советы и ответы на самые злободневные вопросы». Начать брошюру надо не с портрета нашего кандидата, а со списка необходимых для жителей телефонов муниципальных и областных служб. Затем опубликовать практические советы и рекомендации по домашнему хозяйству и садоводству. В середине брошюры поместим портрет Баскакова и его ответы на вопросы. В заключение – о нем самом. Судя по анкете, он воевал в Чечне. Наверняка, в его биографии найдется какой-нибудь героический эпизод. Олитературируем его и опубликуем. Такую брошюру никто не выбросит.

– В твоей идее, Кривова, есть рациональное зерно, – ответил после паузы Шишмарев. – Только где мы наберем столько полезных советов?

– Моя бабушка их не меньше сотни знает. Да и в Интернете можно покопаться.

«Похоже, новый редактор не понадобится, – подумал Алексей. – А Валера Рязанцев работает на брошюре дома. Скомпонует и отредактирует. Оно даже к лучшему, не измажется в нашей грязной канаве».

– Можно еще вопрос, Виктор Спартакович? – не унималась Кривова.

– Можно.

– Куда подевался наш шеф?

– Садись, Наталья, сейчас узнаешь. – Обвел взглядом фанфуриков и объявил:

– У меня поганая новость. Лубченкова я выгнал. Он оказался агентом наших конкурентов. Это выявила проверка на детекторе лжи. Начальник службы безопасности набил Лубченкову физиономию, так что ему потребуется амбулаторное лечение.

Шишмарев обвел подозрительным взглядом свое избирательное войско и грозно спросил:

– Всем понятно?

Непонятливых не оказалось.

– Мы не в бирюльки играем. В ближайшее время каждый из вас подвергнется процедуре проверки. У того, кто попадется, фейс будет испорчен надолго. – Шишмарев сделал паузу, обозрел подчиненных, словно выискивал того, кто может попасться. Затем произнес: – Кривова!

Та испуганно поднялась

– Назначаю тебя исполняющей обязанности начальника прессслужбы. Временно! Не пялся на меня, садись! У кого есть вопросы?

Вопросов не было...

– Ты зачем наврал, что Георгий набил морду Лубченкову? – спросил Шишмарева Алексей, когда они оказались вдвоем в кабинете:

– Чтобы другие боялись, Иван.

– Думаешь, испугаются?

– Я своих знаю, испугаются. Кулак в наше время – самый убедительный аргумент. Ты можешь ехать домой, а я еще погляжу, что Кривова настрепала.

«А есть ли у меня дом? – подумал Алексей. – Квартира на улице Вострухина – ночлежка. А сам я – скиталец, вечный бродяга»...

На улицу Вострухина он попал не сразу. На выходе его перехватила Соня Сахарова. В белом легком плаще, скрывавшем легкомысленный пирсинг, она выглядела вполне приличной дамой.

– Иван Сергеевич, – попросила, – вы не подбросите меня до дома? Моя машина в авто-сервисе, и я сегодня безлошадная.

Алексей уловил, что она врет насчет машины. И явно неспроста. Может, она заодно с Лубченковым? Дама ждала ответа, и он согласился ее подвезти, хотя и не было к тому желания.

Жила одесситка Соня на Волгоградском проспекте, так что было почти по пути. Попросила остановить у одного из подъездов кирпичной многоэтажки новой застройки.

– Вы торопитесь к семье, Иван Сергеевич?

– Нет.

– Приглашаю вас на кофе с коньяком. Если хотите, водителя можете отпустить.

– Я подожду здесь, – сказал Талгат.

– А если придется ждать до утра? – игриво спросила его Соня.

– Скажите номер квартиры!

– Зачем?

– Надо.

– Однако! Квартира 136. Идемте, Иван Сергеевич!

Подъездную дверь она открыла электронным ключом. В холле сказала:

– Ваш шофер – прямо сфинкс. Похоже, что на него возложены не только обязанности водителя. Так?

– Возможно. Хотя я не уверен.

Лифт бесшумно вознес их на тринадцатый этаж. Соня открыла обитую голубоватой кожей дверь в стальной раме. Неплохо, видимо, зарабатывали телевизионные менеджеры. Двухкомнатная квартира была не скудно обставлена и напичкана разной аппаратурой.

– Я поняла, что топики и пирсинги вам не нравятся, Иван Сергеевич. Потому я быстро изменюсь, – и скрылась в спальне.

Появилась она минуты через две в простеньком ситцевом халатике, подчеркивающим маленькую, но крепенькую грудь.

– Так лучше? – спросила.

– Лучше, – согласился Алексей.

– Еду я дома не готовлю. Хотите, закажу в кафе? Доставят через десять минут.

– Не стоит.

– Дома есть красная икра, сыр, масло и белый хлеб. И, конечно, коньяк и кофе.

– Мне кофе без коньяка.

– Коньяк отдельно?

– Нет. Не употребляю алкоголь.

– А я употребляю. Не обессудьте.

Он съел два бутерброда с икрой. Цедил маленькими глотками прекрасно сваренный кофе. И пытался выудить из нее, с какой целью она затащила его домой, и даже готова лечь с ним в постель. Ради чего? Однако ничего уловить не смог, кроме чисто женского интереса.

– Станный вы человек, Иван Сергеевич, – задумчиво проговорила она. – Не такой, как другие. Чем-то вы похожи на одного человека, который мне когда-то очень нравился. Только он ниже вас ростом и никогда не носил бороды. Ему сейчас должно быть лет шестьдесят. У вас с ним есть что-то общее. В жестах, во взгляде. Я в то время закончила в Одессе школу и отправилась за счастьем в столицу, где и встретила его.

Нет, Алексей не насторожился. Он уже понял, что произошло редкостное совпадение, и хотел убедиться в этом.

– Кто же он такой, Соня?

– Военный журналист, писатель, его еще прозвали генштабовским скворцом, потому что писал об офицерах. Кстати, очень неплохо писал.

Так оно и есть. Алексей вспомнил худенькую евреечку, топтавшуюся у дверей Дома журналистов, где он, побывавший с первой группой газетчиков в Афганистане, должен был высту-

пать. Тогда цензура только что разрешила слово «война». А до того война скрывалась за словами «учения с боевой стрельбой», которые проходят на территории Туркестанского военного округа. Весь мир писал о войне, а советская пресса – об учениях. Несусветная глупость, которая, наконец-то, дошла и до политбюро.

Сформировали группу из десяти журналистов из ведущих средств массовой информации. «Красную Звезду» представлял Алексей. Старшим назначили популярного телеобозревателя Александра Каверзнева. Выступать в доме журналистов должен был он. Но он еще в самолете начал терять сознание, и скорая помощь увезла его прямо с летного поля. Позже стало известно, что Каверзнева в Афганистане отравили, и он вскоре скончался.

Естественно, пишущая братия любопытствовала, что же там, в Афганистане, происходит на самом деле, и куда подевался бывший правитель страны Амин. В срочном порядке популярного тележурналиста заменили Алексеем, чтобы он, как человек военный, поделился впечатлениями перед коллегами, не нюхавшими пороха...

Соня молчала. Похоже, вспоминала что-то свое, глубоко личное. Алексею надо было, чтобы она снова заговорила, и он напомнил о себе:

– Как же вы познакомились с генштабовским скворцом?

– Я очень хотела стать журналисткой, – после паузы продолжила Соня. – Шла горбачевская перестройка: гласность, митинги, демонстрации. Всеобщее опьянение воздухом свободы. Я шаталась по Москве и мечтала попасть в Домжур, куда пускали только по членским билетам. Этот человек и провел меня. Он умел не только писать, но и выступать перед аудиторией. Помню, как все смеялись, когда он рассказывал про колхозницу из гарема.

Да, Алексей тогда к месту ввернул ту комическую историю. Мужиков при погонах в 40-й армии было навалом. А дам – «ограниченный контингент». Понятно, что мужички голодали.

Чтобы подбодрить рассказчицу, Алексей изобразил любопытство:

– Странное сочетание: колхозница и гарем.

– Гарем был у дяди короля Дауда. Или у самого короля, не помню. Наложниц у него было около трехсот. После переворота их властелин эмигрировал, и гарем остался без хозяина. Его превратили по советскому образцу в рисовый колхоз. Старший евнух-смотритель стал его председателем. Работать наложницы не привыкли. Потому стали разбредаться, кто куда. Евнух, дабы добро зря не пропадало, стал ими приторговывать. Продал одну даму двум прапорщикам. Вы слушаете, Иван Сергеевич?

– Любопытная история. Что дальше?

Он и в самом деле с любопытством слушал свой рассказ в изложении постороннего человека.

– Прапорщики поселили даму в своей общаге. Кормили, одевали и по очереди отдыхали от трудных военных дел в ее объятиях. Оголодавшая после бегства своего хозяина бывшая наложница отъелась, повеселела и даже освоила некоторые русские популярные обороты, имевшие прямое отношение к сексу. И все бы ничего, не стукни в хмельные головы прапорщиков идея: сдавать подругу на ночь в аренду. О предприимчивых прапорщиках узнал политотдел. Военная прокуратура завела дело о торговле живым товаром.

«Узнал не политотдел, а особый отдел, – мысленно уточнил Алексей. – Потому и дело завели. Прапорщики держались, как партизаны на допросе. Никого из арендаторов не выдали ни на следствии, ни на суде».

– Состоялся суд, – продолжала Соня. – Пострадавшей стороной была гаремная дама. Когда ей предоставили слово, она сложила руки на груди и заявила: «Я рада, что у нас народная власть. Она дала женщине права, как мужчине. Меня привезли в гарем из Курдистана. За три года мой господин только один раз взял меня на свое ложе. Теперь у женщины большие права. У меня два мужа – Саня и Ваня и много наложников. Это хорошо. Неужели русские хотят вернуть короля, чтобы отнять у меня такие права?».

Алексей вспомнил, как хохотал после ее выступления зал, и невольно заулыбался. Спросил:

– Какое же решение принял суд?

– Наложницу отправили назад в рисовый колхоз. А прапорщиков выпроводили в Советский Союз, – грустно ответила она и, помолчав, добавила:

– Бедная женщина! Я ее понимаю.

Соня кинула на Алексея вороватый взгляд, ожидая его реакции на последние свои слова. Он понимающе кивнул головой. Соня грустно улыбнулась.

– Вот так, Иван Сергеевич. Я ушиблась об этого человека. Потянулась к нему. Искала с ним встречи, узнала, где он живет, что у него есть семья. Дошло до того, что написала ему записку и предложила себя в любовницы. Но он или пожалел меня по малолетству, или я оказалась не в его вкусе, хотя слыл отчаянным бабником.

Соня замолчала, но долгой паузы не выдержала, спросила:

– Вам не интересно, Иван Сергеевич?

Прошлое осталось в прошлом, и интереса для Алексея теперь не представляло. Главное он выяснил: не было у Сони в отношении него, да и в отношении Баскакова черных мыслей. Она добросовестно отработывала свой гонорар. На контакт с ним ее толкнула примитивная ностальгия по любовному несостоявшемуся роману. Чтобы не оставлять ее вопрос без ответа, он сказал:

– Выходит, вы гораздо старше, чем выглядите. Горбачевской перестройке уже двадцать с лишним лет минуло.

– Стараюсь выглядеть моложе. Держу себя в жесткой форме.

– А что с мечтой о журналистике?

– Окончила журфак МГУ. Кстати, вместе с Лубченковым. Работала в муниципальной газете, затем вползла на телевидение. Поняла, что журналистика – далеко не золотое дно, и выбилась в рекламные чиновники, где и крутятся основные деньги. Вроде бы все при мне, а семьи нет. Даже постоянного любовника нет.

– Я, Соня, тоже не гожусь в постоянные любовники.

– Кто вы по профессии, Иван Сергеевич?

– Артиллерист.

– Я поняла, что в нашей кампании вы человек случайный. Больше напоминаете аналитика из какого-нибудь шпионского ведомства. Да и ваш сфинкс-водитель, наверняка, спецназовец.

Да, наблюдательная дама, в уме ей не откажешь, сделал вывод Алексей. Однако вопрос требовал уточняющего ответа.

– Недавно я вышел на пенсию, Соня.

– Не очень-то вы похожи на пенсионера.

– В армии так. Служил на крайнем севере и набрал льготный стаж.

Врать Алексею придется теперь постоянно. Такая уж ему выпала доля.

– Вам сорок с маленьким хвостиком? – спросила она.

– С большим хвостиком, – поправил он.

– Все равно разница в возрасте у нас небольшая, можем перейти на «ты».

– Согласен, на «ты».

Она замолчала. Ее бутерброд на блюде так и остался нетронутым. Алексей больше не хотел копаться в ее мыслях. И без того было видно, что она хочет что-то сказать, но медлит. Наконец, решилась.

– Ты останешься сегодня у меня, Иван?

Он подспудно ожидал подобного предложения. И, в общем-то, не возражал провести с ней ночь. Женщиной она была привлекательной и в то же время во всем ее облике прогляды-

вала незащищенность той юной евреечки. Тогда, двадцать лет назад, он ее пожалел. Теперь она страдала от одиночества, и пожалеть ее означало скрасить одиночество. Не только ее, но и свое.

– Останусь, – ответил Алексей...

Спать ему почти не пришлось. Она вела себя, как изголодавшаяся самка, нисколько не стесняясь в выборе поз. Великое дело – постельный опыт...

Утром, за кофе с бутербродами, Соня спросила:

– Как тебе, Иван, показался политолог Самойлов?

– Профессионал.

– Да, умом и хитростью Бог его не обидел. Нашему Шишмареву далеко до него. У Самойлова один недостаток – чрезмерно любит деньги.

В тот вечер политолог Самойлов задержался в офисе допоздна. Помощник и секретарша тоже оставались на своих местах. Так было заведено.

Ничего особого не произошло, но один прокол уже случился. Разоблачили завербованного в штабе Баскакова газетчика. Непрост оказался генерал. Военными технологиями пользовался. Кто бы мог подумать, что он станет использовать полиграф!

Сам Самойлов не контактил с Лубченковым. Этим занимался его помощник по связям с общественностью – Шурик. Они работали вместе больше двенадцати лет, и тот ни разу его не подвел. Все переговоры, неважно – с друзьями или с недругами, помощник записывал на диктофон и пополнял свою фонотеку. Сегодняшний друг завтра может стать врагом, так что компромат всегда мог пригодиться. Записал он и разговор с незадачливым агентом.

Полтора часа назад тот заявился к Шурику и выложил все, что с ним произошло. Заодно сообщил о планах Шишмарева выпускать листовки, порочащие Заурбекова, от имени коммунистов.

Самойлов нажал кнопку диктофона и услышал голос агента:

– Возьмите меня в свою команду, Санч.

– Не могу, у нас полный комплект.

– Может, через своих знакомых коммунистам меня порекомендуете? Я бы вам от них информацию таскал.

«Это уже компра, – подумал Самойлов. – Дерьмовый человечешко, да еще и глупый. Но вдруг выплывет? Глупцов власть привлекает. Тогда и компра пригодится».

– Мы за честные выборы, Лубченков. Грязные технологии не применяем.

– Тогда заплатите хотя бы за сегодняшнюю информацию.

– После вашего провала ей грош цена. Прощайте, Лубченков.

Самойлов отключил диктофон. Жаль, конечно, агента, но потеря не велика. Из сметы расходов его можно не убирать. Заурбекову не обязательно знать о такой мелочи. Но и прогонять его, как сделал Шурик, не следовало. Зачем плодить лишних врагов, в каком бы ранге они ни были?

Он нажал кнопку вызова помощника. Когда тот вошел, сказал:

– Поспешил ты, Шурик, распрощаться с Лубченковым. Человечек он, конечно, мелкий, но может пригодиться. Свяжись с ним и используй на черновой работе. Поручай ему, например, расклейку листовок и что-либо в этом роде.

– Бу сде.

– Вот и ладушки. Что нового у соперников?

– Все по плану. Жириновцу пришлось выдать аванс. Шикует майор. Подобраться к коммунистам пока не удалось.

– Компру ищи, Шурик. У каждого индивида есть потайное доньшко. Формула проста: деньги, женщины, водка.

– Их Звоников – непьющий импотент. Довольствуется малым. Краснобайствует и сам собой любит.

– Привлеку Джабраилова, пусть его джигиты аккуратно поведут его.

– Думаете, что-нибудь накопят?

– А вдруг? С «Мужской газетой» договорился?

– Да. Проплатил. Выстрелит первой и второй полосами перед выборами. Кроме издателя и редактора, никто ни о чем не знает.

– Ладушки, Шурик. Можешь ехать домой. Секретаршу тоже отпусти.

Оставшись в одиночестве, Самойлов еще раз проанализировал расклад сил. Оратор нашел неплохой ход. Недаром его рейтинг растет, как на дрожжах. И команда у него серьезнее, чем у генерала. Значит, коммунисты и есть – главные соперники. Непонятно только, почему Звоников отказался подписать обращение. По идее, не должен был этого делать. А, может, они убийный компромат накопили на Заурбекова?..

С жириновцами ясно. Их кандидат – непроходная пешка, хотя на людях и пыжится, щеголяет в полевой майорской форме и заявляет, что за ним стоит все русское офицерство. А того офицерства – человек пятнадцать, не больше. Перед выборами он снимет свою кандидатуру и призовет тех, кого сумел сагитировать, отдать голоса другу обездоленных граждан Илье Михайловичу Заурбекову.

Неглупый мужик – их кандидат. Догадался переименовать имя-отчество на русский лад. «Ильхам Махмудович» для выборов не годится из-за предвзятого отношения к кавказцам. Далеко пойдет Заурбеков, если не случится чего-либо непредвиденного. Не должно случиться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.